

12+

Елена Тараканова

**Тихий
свет.
Судьба
Марии**

Елена Тараканова

Тихий свет. Судьба Марии

«Издательские решения»

Тараканова Е.

Тихий свет. Судьба Марии / Е. Тараканова — «Издательские решения»,

Пусть эта книга станет для тебя таким местом — где можно выдохнуть, где никто не торопит, не осуждает и не говорит: «Да ладно, переживёшь». Где можно прочитать чью-то историю и вдруг понять: «Я не один. И то, что мне больно, — это не моя слабость. Это сигнал, что пора выбирать себя». «Я не обязана быть удобной. Я имею право сказать „не сейчас“. И если я научилась этому здесь — значит, мы всё делаем правильно».

© Тараканова Е.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1: Детство	7
Глава 2: Юность	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Тихий свет. Судьба Марии

Елена Тараканова

© Елена Тараканова, 2026

ISBN 978-5-0070-9843-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Содержание

Вводстр 2

Глава1: Детство.....стр 5

Глава2: Юность.....стр 23

Глава3: Взросление. стр 72

От Автора.....стр129

Ввод

Сидит успешная женщина — всё при ней: фигура, лицо, макияж. И как же ей идёт этот красный костюм: пиджак с золотой пуговицей, лаконичная жилетка, красные брюки, подчёркивающие уверенную осанку. В каждом движении — лёгкость, в каждом взгляде — спокойная сила. Идеальная картинка.

Именно так её и видели в тот вечер после интервью: яркой, собранной, безупречной. Репортёр улыбался, кивал, записывал её отточенные фразы про «труд, дисциплину и веру в себя». В зале кивали, кто-то даже аплодировал. А когда софиты погасли и микрофоны убрали, Мария осталась одна в гримёрке. Села перед зеркалом, где ещё дрожали отсветы софитов, и вдруг поймала себя на мысли: «Какая идеальная картина. Успешная, красивая. Ещё и в фильмах у знаменитого режиссёра успела сняться...»

И тут эта безупречная картинка будто треснула по тонкому шву. За ней проступила другая — та, которую никто не видел.

Перед глазами встало серое утро базара: промозглый холод, от которого не спасали две кофты, тяжёлый запах сырого картона и мокрого асфальта. Она снова почувствовала, как немеют пальцы, когда раскладываешь вещи на прилавке, как хочется просто присесть хоть на минуту, но нельзя — тётя Лена смотрит, и в этом взгляде столько доверия, что подвести нельзя.

Потом — очередь в деканат, стыд, который лип к коже, как дешёвый свитер к вспотевшей спине. Слова бюрократа: «Доход семьи выше прожиточного минимума», будто сама просьба о помощи уже была чем-то постыдным. И Катя рядом, с помятой бумажкой в руке: «Держи. С ним у меня прокатило. Не потому, что я добрая. Просто знаю, каково это».

А ещё — тот вечер дома, когда отец кричал: «Ты ещё ребёнок, тебе в куклы играть!» — и в этом крике было столько бессилия и злости, что она вдруг поняла: он не защищает её. Он просто не хочет видеть, что мир уже заставил её повзрослеть.

Мария провела пальцем по золотой пуговице на пиджаке. Тёплая. Настоящая. И вдруг осознала: эта пуговица, этот костюм, этот успех — они не про то, чтобы забыть прошлое. Они про то, что она прошла через всё это и не сломалась.

В дверь тихонько постучали.

Ассистентка (заглядывая в щель). Мария, вас ждут на фуршете. Все хотят с вами поговорить.

Мария посмотрела на своё отражение. Улыбнулась — не той глянцевой улыбкой для камеры, а настоящей, чуть усталой, но твёрдой.

«Иду» — сказала, смотря на себя в зеркале Мария

Она встала, расправила плечи, поправила жилетку. И пошла туда, где её ждали как звезду. А про себя подумала: «Пусть видят идеальную картину. Я её заслужила. Но я помню, что за ней стоит».

Глава 1: Детство

Коридор в их квартире пах сыростью и дешёвым табаком. Мария толкнула дверь осторожно, будто надеялась, что сегодня всё будет иначе. Но уже в прихожей она поняла — нет. Из кухни доносился низкий, раскатистый голос отца, перемежаемый резкими, будто обрубленными фразами мамы.

Мария тихо поставила портфель у вешалки, сняла ботинки, стараясь не шуметь. Она хотела проскользнуть в комнату, сделать уроки, пока всё не взорвалось. Но не успела.

Из кухни вылетел отец — в расстёгнутой рубашке, с красным лицом, глаза мутные. Он замер, увидев дочь, и его лицо исказилось не то от злости, не то от неловкости, которую он тут же загнал внутрь гневом.

«А, пришла. Ну, конечно. Уроки, тетрадки... А где твоя мать? Кто деньги принесёт? Кто тут всех кормить должен?» — сказал со злостью отец

«Я... я ничего. Просто пришла со школы.» — сказала Мария тихо, почти шёпотом.

Дмитрий так звали ее отца (махнул рукой, чуть не задев полку с обувью).

«Школа! Школа всем нужна, только когда жрать нечего — она не кормит. А мама твоя опять где-то пропадает. Опять ревизия, опять „надо задержаться“. Да сколько можно?»

Тамара мама Марии появилась в проёме кухни, бледная, с тёмными кругами под глазами. Она выглядела не испуганной — скорее уставшей до дна.

«Дима, не надо при ней. Она только со школы. Давай спокойно...»

Дмитрий (развернулся к ней, голос стал громче).

«Спокойно?! Ты мне про спокойствие? Пока ты там бумажки перебираешь, тут жизнь идёт. Или ты думаешь, я тут один должен всё тянуть?»

Он шагнул к ней, и Мария сжалась, вцепившись пальцами в лямки рюкзака. Ей хотелось стать маленькой, невидимой. Но отец снова глянул на неё, будто ища, на ком сорваться.

«Чего смотришь? Иди в комнату. И не высовывайся.» — сказал отец

Мария метнулась в свою комнату, закрыла дверь, села на кровать, подтянув колени к груди. Она слышала, как голоса становились всё громче, как что-то звякнуло и упало на кухне, как мама тихо, умоляюще сказала: «Пожалуйста, не надо...»

Через полчаса всё стихло. Но тишина была не доброй — она была тяжёлой, как мокрая вата. Мария посидела ещё немного, потом тихо вышла. В коридоре было пусто. На кухне — ни мамы, ни отца. Отец ушёл хлопнуть дверью, мама, наверное, стояла где-то в подъезде или возле подъезда во дворе.

Мария вышла без куртки, сунула в карман потрёпанную тетрадку и вышла из квартиры. Лифт она не стала ждать — сбежала по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, пока не оказалась во дворе.

Двор был серым, мокрым от недавнего дождя. Старые качели скрипели на ветру. Она посидела во дворе 15 минут дальше Мария шла, не зная куда, просто подальше от этой тишины, которая пугала больше крика. Ноги сами привели её к подъезду тёти Лены — соседки с первого этажа.

Она постучала. Дверь открылась почти сразу. Тётя Лена стояла в старом халате, с полотенцем через плечо, в комнате за её спиной пахло жареными пирожками и чем-то пряным, базарным.

«Маш? Ты чего тут? Одна?» — Тётя Лена с мягким голосом спросила.

Мария не заплакала. Она вообще не знала, плакать ей или нет. Просто кивнула.

«Папа опять... скандалил. А мамы нет.»

Тётя Лена не стала задавать лишних вопросов. Она просто распахнула дверь шире.

«Заходи. Не стой на пороге. Сейчас чаю налью. Или хочешь пирожок? Тёплые ещё.»

Мария вошла, села на табуретку у стола. Тётя Лена поставила перед ней чашку, налила чаю, положила пирожок.

«Рассказывать не надо, если не хочешь. Но если вдруг выльется — я тут.»

Они посидели в тишине пару минут. Потом тётя Лена вздохнула, посмотрела на Марию внимательно, без жалости, но с той особой теплотой, которая бывает у людей, знающих, каково это — выживать.

«Теть Лена почему такая жизнь за что почему они постоянно ругаются почему надо мной в школе смеются то папа пьяница и я хожу в обносках, иногда мне кажется я просто не справлюсь вот сегодня Юля моя одноклассница со своими подругами смеялись что нету зонтика, и я шла под дождем вся мокрая» — шмыгая носом говорю я теть Лене она меня слушала и гладила по голове.

«Бедная девочка моя что могу сказать запомни у Бога свои планы, и ты со всеми преградами справишься главное оставайся добрым человеком и верующим. А с одеждой и принадлежностями для школы я тебе помогу, будешь мне помогать продавать вещи на базаре правда много платить не могу обещать тебе так как одежда плохо сейчас продается потому, что у всех дефицит с деньгами, а мне еще за место надо платить и лекарство согласна? -предложение теть Лены Марию очень обрадовало.

Мария подняла глаза. В них не было восторга, но было что-то твёрдое.

«Да, конечно, вы чего я вам очень благодарна» — обняв теть Лену я впервые почувствовала, что хочу жить

Тётя Лена (кивнула, будто проверяя, понимает ли девочка, во что ввязывается).

«Во сколько? И когда буду вам помогать просто школа?»

«В пять утра. Раньше всех надо быть, чтобы место хорошее занять. Будешь помогать по выходным, но мне завтра нужна помощь один раз в школу придётся пропустить думаю один раз не чего не будет, но, если будут в какие-нибудь проблемы ты говоришь мне. Ты точно готова? И все ли понятно?»

Мария сжала пальцы в кулаки под столом.

«Готова, понятно»

Тётя Лена посмотрела на неё ещё раз, потом достала из шкафа старое, но чистое полотенце, отправила купаться и постелила для сна диван.

«Сегодня тут поспишь. Тут тихо. А завтра... завтра будет день. И работа.» — сказала теть Лена, когда я искупалась.

Пять утра. Город ещё спал, и только редкие фонари дрожали в густом, сером тумане. Воздух был колючим, пробирал до костей, будто специально проверял: «А ты правда готова?» Мария шла рядом с тётей Леной, сжимая лямку сумки так, что пальцы белели. На ней были две кофты, шарф до самых глаз, но холод всё равно находил щели.

Базар просыпался не с музыкой, а с грохотом: где-то хлопали створки фургонов, скрипели тележки, мужчины в тёплых куртках перекрикивались сквозь кашель. Пахло мокрым картоном, дешёвым кофе из термосов и сырой землёй.

Тётя Лена остановилась у своего места — небольшого пятачка между палаткой с носками и лотком, где продавали чай в бумажных стаканчиках.

«Ставь сумку сюда. Сейчас будем раскладывать. И не стой столбом — двигайся, так не замёрзнешь.»

Мария кивнула, даже не пытаясь ответить: голос бы выдал, как у неё стучат зубы. Она принялась вытаскивать коробки, ставить их на землю, снимать крышки. Пальцы слушались плохо, будто чужие.

Рядом остановилась женщина с соседнего места, в пуховике и вязаной шапке.

«Девчонку привела? Рано ей ещё тут стоять.» — слова соседки по ряду чуть не вывели на злость теть Лену

Тётя Лена (резко, но без злобы сказала).

«Рано — не рано, а жить надо. И не учи меня, сама знаю.»

Женщина фыркнула и пошла дальше. Тётя Лена наклонилась к Марии, понизив голос.

«Не смотри на них. Тут все злые с утра. Это не про тебя. Это про холод и про то, что денег мало. Поняла?»

Мария (голос тихий, но твёрдый).

«Поняла.»

Они раскладывали вещи: свитера, шарфы, детские курточки. Мария старалась делать всё быстро, чтобы тётя Лена не пожалела, что взяла её с собой. Но к семи утра ноги уже гудели, пальцы покраснели и плохо сгибались, а спина ныла от постоянных наклонов. Она старалась не морщиться, не ёжиться, не показывать, что ей тяжело.

В какой-то момент тётя Лена будто невзначай подвинула к ней термос.

«Глотни. Там чай с сахаром. Сахар силы даёт.»

Мария обхватила горячий стакан обеими руками и закрыла глаза на секунду. Тепло медленно ползло по ладоням, как обещание, что день всё-таки закончится.

«Спасибо.»

«Не за что. Работай.»

Но Мария заметила, как тётя Лена потом нарочно ставила её ближе к стенке палатки, где не дуло так сильно. Как незаметно подкладывала ей вещи полегче. Как, когда к ним подошёл хмурый мужчина и начал ворчать, что «место тут занято», тётя Лена встала прямо перед Марией, заслонив её собой.

И Мария поняла: это и есть та самая поддержка, которую не выкрикивают на весь мир. Это когда кто-то просто прикрывает тебя от ветра, пока ты учишься стоять прямо.

Тамара мама Маши пришла домой ближе к обеду, как раз в это время Мария и тетя Лена закончили торговать, и они уже были дома у тети Лены. Лицо у Тамары было серое, под глазами залегли тени, а в руках она держала пакет с дешёвыми булочками — как будто хотела хоть чем-то загладить то, что её не было дома, когда дочь нуждалась в ней.

Квартира встретила её тишиной. Дмитрий ушёл куда-то ещё с утра, и эта тишина была не облегчением, а упрёком. Тамара поставила пакет на стол, сняла пальто и только тогда заметила, что на вешалке нету куртки Марии.

Она прошла в комнату дочери. Пусто. Кровать заправлена, тетрадки сложены стопкой, на столе — недописанная домашняя работа.

Тамара почувствовала, как внутри всё сжимается. Она вышла в коридор, спустилась на первый этаж.

Через минуту она уже звонила в дверь тёти Лены.

Дверь открылась. Тётя Лена стояла на пороге, вытирая руки о полотенце. Увидев Тамару, она не стала тянуть.

«Заходи. Она тут. Спит ещё. Устала.»

Тамара вошла, ноги будто налились свинцом. В маленькой кухне пахло чаем и чем-то домашним, уютным — и от этого ей стало ещё тяжелее.

Тамара (шёпотом, голос дрожит).
«Она... она вчера...»

Тётя Лена (кивает, не давая ей мучиться словами).
«Да. Скандал был. Я её оставила. Тут тихо.»

Тамара опустилась на табуретку, уронив голову в ладони. Плечи её затряслись, но слёз не было — только сухая, горькая дрожь.

«Я не знала... я думала, она в комнате... думала, всё обошлось...»

Тётя Лена (сидит рядом, но не трогает, даёт пространство). «Ты каждый день думаешь, что обойдётся. А оно не обходится.»

Тамара (поднимает глаза, в них стыд, такой тяжёлый, что его почти можно потрогать).
«Прости меня. За то, что... что она к тебе пришла, а не ко мне. За то, что я... ничего не могу сделать.»

Тётя Лена (вздыхает, и в этом вздохе нет осуждения, только усталость человека, который слишком много видел).

«Не проси прощения за то, чего не можешь изменить прямо сейчас. Лучше скажи: ты хочешь, чтобы она больше никогда не приходила ко мне ночевать, потому что дома будет спокойно?»

Тамара молчит. Долгую, невыносимую минуту молчит. Потому что правда тяжёлая.

Тамара.
«Я хочу. Но я не знаю, смогу ли. Дима... он не слышит меня.»

«Тогда пусть она знает, что есть место, где её впустят. Даже если это не дом.»

Из комнаты вышла сонная Мария. Она остановилась в проёме, посмотрела на маму, потом на тётю Лену. В её взгляде не было упрёка — только какая-то взрослая усталость, которой не должно быть у ребёнка.

«Мам, я не хотела, чтобы ты волновалась.»

Тамара встала, хотела обнять, но остановилась, будто боялась, что Мария отшатнётся.

«Прости меня, дочка. Прости, что меня не было.»

Мария (подходит и всё-таки обнимает, коротко, крепко).
«Ты же пришла. Ты всегда приходишь.»

Тамара прижала её к себе, уткнулась лицом в волосы дочери и наконец заплакала.

Тётя Лена молча встала, налила ещё одну чашку чая и поставила на стол.

«Садитесь. Попейте чай. И успокойтесь.» — предложила тетя Лена.

Прошёл месяц. Мария уже не вздрагивала от каждого резкого голоса на рынке. Она знала, где лучше ставить коробки, чтобы их не затоптали, как складывать свитера, чтобы они не мялись, и как смотреть прямо в глаза покупателю — не нагло, но и не просительно.

Тётя Лена всё реже говорила «делай так», всё чаще спрашивала: «Как думаешь, тут лучше куртки вперёд выставить или шарфы?» И Мария чувствовала, как внутри что-то выпрямляется: ей доверяют не просто таскать, ей доверяют решать.

Однажды утром, когда они уже почти закончили раскладывать товар, к их месту подошёл хмурый мужчина в кожаной куртке — тот самый, что в первый день ворчал про «занятое место». Он наклонился к тётке Лене и тихо, чтобы не слышали другие, сказал:

«Лена, тут администрация ходит. Говорят, если увидят несовершеннолетнюю на точке — штраф влепят. Тебе оно надо?»

Тётя Лена побледнела, но голос её остался твёрдым.

«Спасибо, что предупредил. Я разберусь.»

Когда мужчина отошёл, она посмотрела на Марию. В её взгляде была не злость, а тревога.

«Маш, слушай. Тут такое дело... Тебе нельзя официально тут быть. Если проверка придёт, меня оштрафуют, а тебя заберут в опеку. Ты понимаешь?»

Мария кивнула. Она всё понимала. И от этого понимания ей вдруг стало по-настоящему страшно — не за себя, а за тётю Лену, которая и так столько для неё делала.

«Теть Лена, пожалуй только не убирайте меня я не буду стоять на виду. Я могу... я могу в фургончике сидеть, коробки перебирать. Или за палаткой, товар пересчитывать. Меня никто не увидит.»

Тётя Лена (вздыхнула, покачала головой).

«Ты не должна так прятаться. Ты ребёнок.»

Мария (голос тихий, но упрямый).

«Понимаю не могу вас подставить. Вы мне помогаете. Пусть хоть так.»

Тётя Лена долго смотрела на неё, потом кивнула.

«Ладно. Машенька. Но только пока я не придумаю, как по-другому. И если хоть кто-то к тебе полезет — сразу ко мне. Поняла?»

«Поняла.»

И Мария действительно научилась быть незаметной. Она сидела в полутёмном фургоне, пересчитывала вещи, складывала ценники, иногда выходила только тогда, когда тётя Лена звала помочь быстро перетащить что-то тяжёлое. И каждый раз, возвращаясь в тень, она чувствовала странный, горький привкус: она училась выживать так, как не должен учиться ребёнок.

В тот вечер Мария пришла домой чуть раньше обычного. Она надеялась, что отца не будет, что можно будет спокойно поест и сесть за уроки. Но он был дома. Сидел на кухне, пил чай, листал газету — будто самый обычный вечер, будто он не превращал их жизнь в ад по выходным.

Он поднял глаза, когда Мария вошла.

«Где шлялась? Уроки, небось, опять забросила ради каких-то своих дел.»

Мария (опустила глаза, стараясь не выдать дрожь в голосе).

«Я помогала тётке Лене на рынке.»

Слово «помогала» она сказала специально — чтобы звучало не как работа, а как доброе дело. Но отец услышал именно то, что хотел услышать.

Дмитрий (отбросил газету, голос стал жёстким).

«На рынке?! Ты ещё ребёнок! Тебе в куклы играть, а не по базарам шататься! Тем более мне со школы звонили»

Мария (тихо).

«Мне деньги нужны. На проезд до школы, на тетради...»

Дмитрий (вскочил, стул с грохотом отъехал назад).

«Деньги?! Я тут, значит, стараюсь, кручусь, а ты по соседям бегаешь и подрабатываешь?! Да как ты вообще смеешь со мной спорить?!»

Он не ударил её. Но его слова били не хуже кулаков. Мария стояла, сжав кулаки в карманах, и чувствовала, как внутри поднимается что-то новое — не страх, а холодная, горькая обида.

«Ты деньги только пропиваешь. А нам с мамой надо на что-то жить.»

Эти слова повисли в воздухе, как ледяные сосульки. Отец замер, будто она ударила его. Потом его лицо исказилось от ярости.

«Не смей так со мной разговаривать! Ты ещё ничего не понимаешь!»

Из комнаты вышла Тамара. Она выглядела измученной, но в её глазах мелькнуло что-то, чего Мария раньше не видела, — почти протест.

«Дима, хватит. Она права. Нам нужны деньги на самое необходимое.»

Дмитрий (резко повернулся к ней).

«А ты её поддерживаешь?! Ты вообще должна за дочерью следить, а не бумажки свои перебирать!»

Тамара побледнела. Она хотела что-то сказать, но слова застряли у неё в горле. Мария посмотрела на маму и вдруг поняла: мама хотела её защитить, но у неё не было сил. И это было даже больше, чем крик отца.

Мария (спокойно, почти без эмоций).

«Папа хватит в школу я хожу все хорошо тетя Лене я помогаю по выходным. А тебе позвонили скорее всего не то что я по урокам не успеваю а что как я хочу я стала лучше одевается лучше выглядеть только благодаря того что стала подрабатывать. А сейчас я пойду делать уроки спасибо за понимание»

Она ушла в свою комнату, закрыла дверь и села на кровать. Руки дрожали, но она не плакала. Вместо слёз в голове стучала одна мысль: «Я не могу зависеть от того, кто в любой момент может снова взорваться и устроить не из за чего скандал».

Глава 2: Юность

Школа закончилась. Не с золотой медалью, не с фанфарами, но на «хорошо» — и это было её маленькой победой. Мария не была самой яркой в классе, не вела школьные концерты и не собирала вокруг себя толпу. Она просто каждый день приходила, садилась за третью парту, слушала, записывала и уходила. Иногда с тёмными кругами под глазами от ночных подработок, иногда с мыслями не про уравнения, а про то, хватит ли денег на проезд. Но она не сдалась. И когда в аттестате рядом с предметами выстроились ровные «четвёрки» и несколько «пятёрок», Мария впервые позволила себе тихо, про себя, выдохнуть: «Я справилась».

Выпускной получился не таким, как в фильмах. Не было ни пышного платья, ни лимузина, ни слёз восторга у всех подряд. Платье Мария купила на распродаже, простое, тёмно-синее, без лишнего блеска. Тётя Лена помогла подшить подол, пока Мария стояла на табуретке, стараясь не шевелиться.

Тётя Лена (откусывая нитку, прищурилась, оценивая).

«Ну вот. Сидит ровно. Не блестящее, зато твоё. В нём ты не будешь чувствовать себя чужой.»

Мария (улыбнулась, чуть нервно).

«Спасибо. Я... я не хочу быть как все. Хочу просто дотянуть до конца.»

Тётя Лена (поправила ей прядь волос, жест вышел неожиданно нежным).

«Ты и не такая, как все. Ты лучше. Ты знаешь цену вещам. И себе тоже.»

На вечере Мария почти не танцевала. Стояла у стены, наблюдала, как другие кружатся, смеются, кричат «прощай, школа», будто это самое важное прощание в жизни. Для неё важнее было другое: получить аттестат, услышать, как директор произносит её фамилию, и понять, что эта глава закрыта.

Когда ей вручали документ, руки чуть дрогнули, но голос был твёрдым, когда она сказала «спасибо». И в этот момент она вдруг поймала взгляд мамы в зале. Тамара сидела в третьем ряду, в скромном платье, которое явно надевала по особым случаям. Глаза у неё были на мокром месте, но она улыбалась. По-настоящему. Не той вымученной улыбкой, которая появлялась дома, когда отец был в плохом настроении, а искренней, хоть и немного робкой.

Неделя пролетела незаметно после выпускного — дни сливались в одно яркое, но слегка размытое пятно: бесконечные просмотры фотографий попытки осознать, что школьная глава окончательно закрыта. Маша всё чаще ловила себя на том, что замирает, глядя в окно, и мысленно примеряет на себя новые роли — не в смысле актёрской игры, а в смысле своей будущей жизни. И чем дольше она об этом думала, тем твёрже становилось её решение.

Однажды вечером, когда за окном уже стемнело, а в квартире царил уютный полумрак, мама позвала Машу на кухню — предложила вместе заварить чай с мятой, как они делали в детстве, когда нужно было поговорить о чём-то важном. Маша почувствовала, как внутри всё сжалось от волнения: именно сейчас она собиралась рассказать о своём главном решении.

«Мам, я всё думала, думала... и поняла, что хочу поступать в театральный институт в Москве, — выпалила Маша, едва сдерживая дрожь в голосе. — Знаю, это звучит неожиданно,

но для меня это не просто мечта, это... как будто единственный путь, по которому мне действительно хочется идти.»

Мама чуть приподняла брови, но в её взгляде не было ни осуждения, ни скепсиса — только внимательное ожидание.

«Расскажи мне, почему именно театр, — мягко попросила она, пододвигая к Маше чашку с чаем.»

И Маша заговорила — быстро, сбивчиво, но искренне. Она рассказала, как ещё в пятом классе, когда впервые смотрела на сцену в школьном спектакле, почувствовала, будто весь мир на мгновение замер, а потом вспыхнул новыми красками. Как ей нравилось смотреть как играют дети и тем самым проживать чужие жизни, искать в каждом персонаже что-то своё, как она часами разбирала монологи, пытаясь понять, что движет героями. Она призналась, что не хочет просто наблюдать за жизнью со стороны — ей хочется быть в самом её центре, чувствовать каждую эмоцию до дрожи, делиться этим с залом.

«Я понимаю, что это непросто, что конкуренция огромная, и, возможно, мне придётся пройти через много отказов, — продолжала Маша, уже спокойнее. — Но я готова работать, учиться, стараться. Для меня театр — это не про славу, а про возможность говорить с людьми без слов, про то, как одно движение или взгляд могут изменить чьё-то настроение, заставить задуматься...»

Мама слушала, не перебивая, и в какой-то момент просто накрыла руку Маши своей тёплой ладонью.

«Знаешь, я всегда видела, как загораются твои глаза, когда ты говоришь о сцене, — тихо сказала она. — И если это то, что делает тебя по-настоящему живой, то я не могу быть против. Москва — это большой шаг, и он точно будет непростым, но я верю, что у тебя всё получится. Я с тобой».

Маша почувствовала, как к горлу подступает комок, а на глазах выступают слёзы — но это были слёзы облегчения и счастья. Она крепко обняла маму, и в этот момент все страхи и сомнения будто отступили на задний план. Впереди ждала неизвестность, но теперь она знала: рядом есть тот, кто в неё верит.

А потом наступил день отъезда. Москва. Бюджетное место в театральном. Шанс, который нельзя было упустить.

Раннее утро. Вокзал гудел, пах горячим чаем, бензином и ожиданием перемен. Мария стояла у вагона с небольшим чемоданом — всё самое нужное уместилось в нём, остальное она научилась оставлять позади. Рядом — мама и тётя Лена. Две женщины, которые любили её по-разному, но обе делали это как могли.

Тамара теребила край блузки, будто не знала, что сказать. Слова застревали, где-то посередине, смешиваясь со страхом и гордостью.

Тамара (тихо, чтобы не услышали прохожие).

«Ты точно всё взяла? Тёплые носки... я положила, ты же мёрзнешь всегда. И бутерброды... на дорогу.»

Мария (обняла её, крепко, но быстро — так, чтобы мама не успела заплакать).
«Всё взяла. И носки, и бутерброды. Не волнуйся.»

Тамара (голос дрогнул).
«Я буду волноваться. Это же Москва... там всё по-другому.»

Тётя Лена (встряла, как всегда, с той самой бытовой прямоотой, которая в такие моменты была нужнее красивых слов).

«Пусть волнуется. Это нормально. Но ты, Маш, помни: если станет тяжело, ты не одна. Звони. Хоть ночью. Я тут. И мама тут.»

Мария кивнула. Ей хотелось сказать, что-то большое и важное, но в горле стоял комок.

«Я буду писать. И звонить. Обещаю.»

Подали сигнал к отправлению. Проводник кивнул: «Пора».

Тамара вдруг схватила Марию за руку, притянула к себе, обняла так крепко, будто хотела удержать.

«Прости меня дочь... за всё, что было. За то, что не могла защитить. Но я так горжусь тобой. Ты такая сильная... я даже не знаю, откуда в тебе это.»

Мария уткнулась ей в плечо на секунду, вдохнула знакомый запах маминых духов — простой, недорогой, но родной.

«Ты тоже сильная, мам. Просто твоя сила была в том, чтобы мы могли просто жить. Даже когда всё рушилось.»

Тамара всхлипнула, но кивнула, будто приняла эти слова как подарок, который ей давно был нужен.

Тётя Лена шагнула вперёд, сунула Марии в карман куртки свёрнутую купюру — небольшую, но для них это были деньги.

«На первое время. Если что, не гордись. Бери. И помни базар: там учили, что стыдно не просить, когда правда надо, а не делать вид, что всё легко, когда тяжело.»

Мария (сжала её руку).

«Я помню. Спасибо тебе... за всё. За каждую чашку чая. За каждый день, когда ты просто прикрывала меня от ветра.»

Поезд дёрнулся. Мария поднялась по ступенькам, обернулась в проёме двери. Мама махала рукой, слёзы уже катились по её щекам, но она всё равно улыбалась. Тётя Лена стояла прямо, не пряча глаз, только губы чуть сжались, как она делала, когда старалась не показать, как ей тяжело.

Мария (крикнула, пока вагон ещё не разогнался).

Я приеду! На каникулы! Обязательно!

И поезд поехал, увозя её всё дальше от маленького города, от серых дворов, от скандалов и холода. Но не от людей, которые верили в неё.

Она села у окна, прижала ладонь к стеклу, пока город ещё был виден. И подумала: «Я еду не чтобы убежать. Я еду, чтобы доказать: всё, что мне дали — любовь мамы, честность тёти Лены, моя собственная упрямая воля, — этого достаточно, чтобы построить свою жизнь» Вокзал в Москве оглушал. Не шумом — а масштабом: бесконечные потоки людей, объявления, которые сливались в гул, огромные табло, где буквы казались чужими, будто даже алфавит тут был другой. Мария стояла посреди этого водоворота с тем же небольшим чемоданом, в котором уместилась вся её прежняя жизнь, и пыталась не дать себе рассыпаться.

Она достала телефон, пальцы чуть дрожали. Набрала мамин номер. Гудок. Ещё один. И наконец — знакомое, тихое:

«Алло... Маш? Ты... ты доехала?»

И вот тут, посреди чужого вокзала, среди спешащих людей, у Марии из глаз покатались слёзы. Но это были не слёзы страха. Это было облегчение.

Мария (голос срывался, но она улыбалась).

«Да, мам. Я на вокзале. Тут... тут очень шумно. И много людей. Но я доехала.»

В трубке послышался всхлип, потом мама быстро шмыгнула носом, будто хотела скрыть, что плачет.

«Слава богу. Я всё утро на часы смотрела. Думала, сойду с ума. Ты только не теряйся, ладно? Звони каждый день. Хоть на пять минут»

«Обещаю. Mam, тут... всё огромное. Но я справлюсь.»

Тамара (тихо, будто боялась спугнуть эту уверенность).

«Я знаю. Ты у меня сильная.»

Они ещё немного поговорили — о пустяках: как Мария поела, куда пойдёт дальше, не холодно ли ей. А потом попрощались, и Мария убрала телефон в карман, чувствуя, как внутри становится чуть спокойнее: мама, где-то есть, она ждёт, она верит.

Комната, которую она сняла, была крошечной, в старом доме недалеко от института. Две кровати (вторую пока никто не занимал), окно выходило во двор, где по утрам кричали вороны. Хозяйка, сухонькая женщина с усталыми глазами, показала, где чайник, где полотенца, строго сказала: «После десяти не шуметь» — и ушла, оставив Марию одну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.